

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/42/9

Истории о депортации чеченцев: трансформации языка описания

Валентина Александровна Танайлова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
valya00763@gmail.com*

Аннотация. Анализируется язык нарративов о депортации чеченского народа, которые существовали в чеченском обществе до и после Первой и Второй чеченских войн. Основной фокус исследования сосредоточен на том, как события двух войн, нанеся новую травму чеченскому обществу, заставили определенную часть членов этого общества переосмыслить предыдущую травму депортации в соответствии с новым коллективным опытом. Это переосмысление нашло свое выражение прежде всего в изменении языка описания выселения чеченцев в 1944 г. В качестве источников исследования были использованы сборники воспоминаний депортированных, изданные до начала Первой чеченской войны, а также материалы фокус-групп и тридцати глубинных интервью, собранных автором в течение последних четырех лет. Вторая часть работы посвящена осмыслению взаимного влияния языка исследователей и языка исследуемых. Автор предлагает, следуя за идеями постколониального научного дискурса, придавать особое значение языку описания, который используют те, с кем мы работаем, и рассматривать его как элемент анализа, совершенно необходимый для понимания той культурной действительности, в которой и которой живут люди, доверяющие исследователям свои истории.

Ключевые слова: депортации, войны в Чечне, язык, память, травма, зачистки, геноцид

Благодарности: публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Танайлова В.А. Истории о депортации чеченцев: трансформации языка описания // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 164–179. doi: 10.17223/2312461X/42/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/42/9

Stories of Chechen Deportation: Transformations of Narrative Language

Valentina A. Tanaylova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, valya00763@gmail.com

Abstract. This article analyses the language of narratives about the deportation of the Chechen people that existed in Chechen society before and after the First and Second Chechen Wars. The main focus of the study is on how the events of the two wars, having inflicted a new trauma on Chechen society, forced a certain part of this society to reinterpret the previous trauma of deportation in accordance with the new collective experience. This rethinking found expression primarily in the change in the language used to describe the deportation of Chechens in 1944. The sources used for this research include collections of memoirs of deportees published before the First Chechen War, as well as focus groups and thirty in-depth interviews collected by the authors over the past four years. The second part of the paper is devoted to analyzing the mutual influence of the language of the researchers and the language of the researched. The author proposes, following the ideas of postcolonial scholarly discourse, to give special importance to the language of description used by those we work with and to consider it as an element of analysis absolutely necessary for understanding the cultural reality in which and by which the people who entrust researchers with their stories live.

Keywords: deportations, wars in Chechnya, language, memory, trauma, mop-ups, genocide

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

For citation: Tanaylova, V.A. (2023) Stories of Chechen Deportation: Transformations of Narrative Language. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 164–179 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/9

Введение

О депортациях в СССР написано довольно много, но большую часть написанного нельзя отнести к аналитическим научным исследованиям. Издавались публицистические работы, сборники воспоминаний, статистика и намного реже – академические тексты, еще реже монографии, посвященные депортациям отдельных народов. Среди исследователей, которые все же посвящают свои работы теме депортаций, одни сосредоточены на депортации как на особом явлении советской истории (Полян 2001), другие рассматривают ее в контексте прочих репрессивных мер государственной политики сталинского периода (Земсков 2022; Pohl 2000) или даже в контексте общеевропейских политических и государственных процессов в XX в. (Холквист 2011). Российский географ и

демограф Павел Полян определяет депортации или насильственные миграции как одну из «специфических форм или разновидностей политических репрессий, предпринимаемых государством по отношению к своим или чужим гражданам с применением силы или принуждения» (2001: 11–12). Американский историк Питер Холквист, в свою очередь, рассматривая государственные репрессии против разных социальных и этнических групп, начиная с 1917 г. и заканчивая Большим террором, видит государство, которое стремится «вылепить свое население согласно прикладной науке об обществе». Он замечает, что «Советское государство оказалось удивительно последовательным в работе с определенным шаблоном политики населения, предполагавшим, что некие элементы среди населения можно идентифицировать и что благополучие населения требует либо изъятия, либо ликвидации вредоносных элементов» (2011: 167). По мнению Холквиста, методы репрессивной политики в Советском Союзе были частной вариацией более общих тенденций. «Ключевыми моментами в кристаллизации таких практик были, во-первых, новые представления об обществе, возникшие в XIX в.; во-вторых, колониальный административный и военный опыты конца XIX в. и, в-третьих, Первая мировая война как катализатор исторических событий» (167). Обращаясь к мысли Ханны Арендт, Холквист видит в репрессивных политических инструментах закономерное продолжение тех мер и методов, которые применялись государством по отношению к своему населению на протяжении двух последних веков монархического правления в России.

Одной из масштабных форм депортации является тотальная этническая депортация, которой в Советском Союзе подвергся целый ряд народов: финны, корейцы, немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы. Представителей этих народов выселяли со всех мест проживания, демобилизовали из армии. Эти народы также лишались своих национальных автономий, если они были. Если говорить о Северном Кавказе, то здесь депортации подверглись четыре народа: карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши. В этой работе речь пойдет не столько о депортации чеченского народа, сколько о том, как депортированные и их потомки рассказывают об этом событии, как изменились эти рассказы после Первой и Второй чеченских войн и как язык носителей травмы депортации взаимодействует или может взаимодействовать с языком исследователей. При этом я не хочу утверждать, что все без исключения чеченцы переосмысливают культурную травму депортации под влиянием относительно недавних военных событий в Чечне, но я утверждаю, что это делают те чеченцы, которые оказались травмированы этими военными событиями, что заставило их по-новому взглянуть на историю старших поколений своей семьи.

Как и некоторые другие исследователи, работающие с историей и памятью в Чечне (Абдурахманов, Ахмадов 2015; Горюшина 2020), я рассматриваю депортацию чеченского народа как культурную травму, которая и сегодня оказывается одним из центральных событий в поле чеченской памяти. Если говорить коротко, то называя память о депортации травматической памятью, я опираюсь прежде всего на тот факт, что, судя по моим данным и данным моих коллег, люди, считающие себя носителями чеченской этничности, строят на этой памяти свою идентичность. Они говорят: «Мы те, кто пережил выселение». Здесь уместно будет обратиться к понятию культурной травмы Джеффри Александера, который пишет: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» (2012: 6). Как поясняет сам Александер, это определение является его обобщением результатов не только собственной работы, но и результатом размышлений на тему культурной травмы целой группы исследователей.

Нарративы о депортации до начала Первой чеченской войны

Моими основными источниками для работы с нарративами о депортации, существующими до начала Первой чеченской войны, стали две книги. Первая – это «Белая книга: Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957». Ее составитель и ответственный редактор Леча Яхьяев, издана она была казахским республиканским чечено-ингушским центром «Вайнах» в 1991 г. (Яхьяев 1991). В ней собраны свидетельства совершенно разных людей, переживших депортацию и пожелавших поделиться своими историями. Разница возможного описания депортации прослеживается уже внутри самой книги. Она заметна между вступительными статьями и текстами воспоминаний. В первом случае язык больше насыщен терминами, во втором случае деталями, описывающими повседневность и эмоции. Вступительные статьи написаны поэтами, общественными деятелями, политиками, каждый использует язык, который свойственен, в первую очередь, его сфере деятельности. Депортация во вступительных статьях называется «преступление государства против своих граждан», «трагедия народа», «репрессии». В текстах самих воспоминаний используются другие слова – «нас забрали», «вывезли», «выселили». Нет слов «депортация», «репрессии» или «геноцид». Авторы воспоминаний мало анализируют депортацию в контексте общей истории чеченского народа. Больше описывают последовательность событий. Много внимания уделяют всему, что связано со смертью: замерзли насмерть, умерли от болезни или голода, негде было

похоронить, бросали трупы и т.п. То есть тем деталям, которые являются наиболее травмирующими в рамках индивидуального опыта и памяти.

Нас привезли в г. Ермак Павлодарской области. В первые месяцы смерть здесь косила беспощадно. Умирили десятками: от холода, голода, болезней. Здесь умерли еще два моих ребенка, две девочки – Лиза и Рукият. Свекор, Гандалоев Хассан Алиевич, сам больной, голодный... пошел искать съедобное. В нескольких метрах от дома его застала пурга, ветер прибил его к забору и, когда через несколько дней я нашла его, он так и стоял, мертвый, прибитый к этому забору. Людей некому было хоронить, да и нельзя было их хоронить: земля была мерзлая, их закапывали в снег, а там их съедали звери, собаки...

Я подошел к одному командиру в звании полковника, показал ему свои документы и объяснил, что мне скоро надо вернуться на фронт. Он разорвал на куски мои документы и накричал на меня: «Такие абреки, как вы, на войне не нужны». Если бы я знал, что со мной и моим народом так поступят, я бы, как и мой брат Денисолта, остался лежать в земле Сталинграда.

Вторая работа – это книга Хамзата Яндарбиева «Преступление века». Она была издана в Грозном в 1992 г. (Яндарбиев 1992). Книга представляет собой сборник статей, посвященных различным аспектам депортации и основанных как на собственном опыте, так и на цитируемых свидетельствах других чеченцев. Разница языка описания примерно такая же, как и в случае с «Белой книгой...». Х.Ш. Яндарбиев – поэт, ученый, политический и общественный деятель, его язык насыщен соответствующей терминологией, а его анализ является частью академического дискурса. Но те свидетельства, на которые он ссылается и которые он цитирует, по форме своей схожи со свидетельствами из «Белой книги...». В них зачастую прослеживаются те механизмы, которые мы выделяем, когда анализируем травму через оптику психоаналитической концепции. Прежде всего потому, что эти свидетельства принадлежат самим жертвам депортации, а не их потомкам в первом или тем более втором – третьем поколении. В нарративах депортированных есть определенные закономерности, им свойственны узнаваемые грамматические, лексические и сюжетные особенности: лексика смерти и преступления и наказания, пассивный залог и деперсонализация, инфантилизация депортированных, сюжеты об инвалидах, самоубийствах, несчастных случаях (см. статью Э.-Б.М. Гучиновой в этом выпуске).

В чеченском языке есть несколько слов, обозначающих депортацию. Основных два: «дуоухадар» и «арадахар». Первое буквально означает выселение или разрушение. «Вай дуоухадар...» – наше разрушение. Второе «арадахар» – изгнание. Это слово буквально означает «выгнать наружу из дома». «Вай арадахар» – наше изгнание. Некоторые из моих чеченских респондентов, которые сами являются учеными-гуманитариями, поделились со мной довольно интересными размышлениями о содержании слова «дуоухадар».

Мы не думаем, что нас хотели уничтожить физически, как людей. Нас хотели уничтожить культурно, как чеченцев. Это же и есть самое настоящее разрушение народа, отрыв его от родной земли, от дома, от могил предков, от культурного очага. Думалось, что мы перестанем существовать как чеченский народ, «разрушимся», но этого не произошло.

Естественно, я не первый исследователь, который использует записанные свидетельства жертв депортации в качестве источника. Работая над этим текстом, я обратилась также к опыту американского историка Брайана Уильямса, который схожим образом проанализировал воспоминания депортированных чеченцев, собранных в трехтомнике «Как это было» (Алиева 1993). Уильямс также обращает внимание на то, что истории, представленные в этом сборнике, в основном сосредоточены на описании экстремально травматических воспоминаний о расстрелах в процессе депортации, смертях от голода и холода, потерях близких, особенно детей. В них не используется правовая или научная терминология и вовсе не предпринимается попыток осмысления депортации в общем контексте истории существования чеченского народа в рамках российского государства (Williams 2000).

Первая и Вторая чеченские войны

Для того чтобы понять, как и почему произошла смена языка описания прошлого травматического опыта после Первой и Второй чеченских войн, необходимо понимать, что происходило во время этих войн. Первая чеченская война (мероприятия по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики (ЧР)) – это военные действия между российскими федеральными войсками и вооруженными формированиями Чеченской Республики Ичкерия, длящиеся с 1994 по 1996 г. Осенью 1991 г. в условиях начавшегося распада СССР руководство ЧР заявило о государственном суверенитете республики и выходе ее из состава СССР. Началось формирование вооруженных сил Чечни во главе с верховным главнокомандующим президентом ЧР Джохаром Дудаевым. 9 декабря 1994 г. Президентом Российской Федерации Борисом Ельциным был подписан Указ № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта»¹. В тот же день Правительством Российской Федерации было принято Постановление № 1360, предусматривавшее разоружение этих формирований силовыми методами. 11 декабря 1994 г. началось выдвижение войск в направлении чеченской столицы – города Грозный. 31 декабря 1994 г. войска по приказу министра обороны Российской Федерации начали штурм Грозного. Федеральные войска взяли Грозный только к 6 февраля 1995 г. После взятия Грозного войска

приступили к уничтожению чеченских вооруженных формирований в других населенных пунктах и в горных районах Чечни. 31 августа 1996 г. в Хасавюрте были подписаны соглашения о прекращении боевых действий, положившие конец Первой чеченской войне. После заключения соглашения войска в предельно сжатые сроки с 21 сентября по 31 декабря 1996 г. были выведены с территории Чечни. 12 мая 1997 г. был заключен Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Так выглядит фактическая последовательность событий, однако не только она важна для понимания исследуемых мною процессов. Важно эмоциональное наполнение памяти об этих событиях и сама эта память. «Ну, и 94-й год – началась война. Дальше у нас, конечно, восприятие всего мира через призму этой войны было. Оно и сейчас, у меня лично, так», – говорит мой информант.

Например, так называемый новогодний штурм Грозного до сих пор ясно сохраняется в коллективной памяти чеченцев. Эта память находит свое выражение, в том числе, и в призывах не отмечать новогодние праздники или хотя бы найти среди этих праздников место для поминовения погибших в том страшном штурме. Такие призывы можно найти в социальных сетях накануне нового года, а раньше и на листовках, которые появлялись на улицах города. Одним из самых известных среди местного населения событий оказывается операция МВД в с. Самашки, которая имеет дурную славу самой кровавой зачистки времен Первой чеченской войны. По разным сведениям, в ходе этой операции было убито от 103 до 250 гражданских лиц. Зачистка в Самашках и действия участвовавшего в ней генерала Анатолия Романова являются неотъемлемой частью чеченского нарратива о страданиях мирного населения во время чеченских войн (Блинушов 1996).

Вторая чеченская война началась 7 августа 1999 г. со вторжения боевиков в Дагестан. Вскоре после этого, в сентябре 1999 г., на территории Чечни была объявлена Контртеррористическая операция (КТО). Тогда Владимир Путин подписал Указ № 1255с «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»². Последней крупномасштабной военной операцией была ликвидация группировки Руслана Гелаева в районе с. Комсомольское, завершившаяся 14 марта 2000 г. После этого боевики перешли на диверсионно-террористические методы ведения войны, а федеральные силы противопоставили им действия спецподразделений и операции МВД. 20 апреля 2000 г. было объявлено об окончании войсковой части КТО в Чечне и переходе к спецоперациям. После этого, 22 января 2001 г., было объявлено о сокращении группировки федеральных войск в Чечне. Полномочия по руководству проведением контртеррористической операции были возложены сначала на Министерство обороны, с 22 января 2001 г. – на ФСБ

России, а с 1 сентября 2003 г. – на МВД России. По мере установления контроля силовыми структурами Российской Федерации над территорией Чеченской Республики территория Чечни переходила в ведение местных чеченских сил самоуправления и самообороны. Вторая чеченская война официально завершилась с отменой в полночь 16 апреля 2009 г. режима КТО. События в Чечне постепенно стали делом самой Чечни. Это важный для моего исследования факт, особенно в сочетании с тем, что Вторая чеченская война велась в контексте настоящего общемирового бума борьбы с терроризмом. Все это привело к тому, что методы ведения войны во время Второй чеченской были намного более жесткими, чем во время Первой, и приводили к еще большему тяжелым последствиям для гражданского населения республики. Операция в Комсомольском, зачистка в Новых Алдах сохраняются в памяти чеченских респондентов в одном ряду с событиями в Самашках. Так или иначе, обе войны в Чечне сопровождались гибелью большого количества гражданских лиц, значительными разрушениями (особенно в Грозном) и, как следствие, высоким уровнем психологической травматизации чеченских жителей, что дает о себе знать до сих пор.

Нарративы о депортации после Первой и Второй чеченских войн

Источниками для этой части работы послужили материалы, полученные в ходе проведения фокус-группы в 2021 г. и тридцати глубинных интервью. Они были отобраны из 67 интервью, взятых мной в течение последних четырех лет. Выбирала я те, в которых проводились явные аналогии между событиями военного периода и депортацией, а также с наибольшей очевидностью вырисовывался нарратив о последовательной политике уничтожения чеченского народа.

В чеченском обществе целые периоды истории воспринимаются как акты несправедливости по отношению к населению:

И каждый такой акт несправедливости вызывает вот такие возвраты:

Ага, мы тогда никому не были нужны, сейчас никому не нужны. Мы тогда были людьми второго сорта, и сейчас мы люди второго сорта, получается.

Со временем были сконструированы определенные «места памяти», в том более широком смысле, который вкладывает в это понятие Пьер Нора (1999). К ним можно отнести села Самашки, Комсомольское, Новые Алды (там происходили так называемые зачистки, которые повлекли за собой большое количество жертв среди гражданских лиц), штурм Грозного в новогоднюю ночь, убийство Эльзы Кунгаевой и т.д. Говоря про события депортации, мои респонденты использовали слово «зачистки» так же, как и для описания соответствующих событий времен Первой и Второй чеченских войн. То есть нарратив может

разворачиваться из настоящего в прошлое и нести в прошлое термины более поздних времен, а может из прошлого в настоящее и нести из прошлого термины для описания более современных событий. Зачистками в контексте депортации респонденты могут называть и процесс изгнания чеченского населения из аулов, и убийство в этих аулах тех, кого, по разным причинам, вывезти не удавалось. При этом никто из моих респондентов не упоминал, что знаком с тем фактом, что Сталин, обращаясь к Берию, использовал слово «очистить», говоря о предстоящей депортации (Бугай 1992).

Самой яркой параллелью с событиями в Самашках, Комсомольском и других населенных пунктах оказывается трагическая история селения Хайбах. Предполагается, что из-за сложностей с доставкой людей из горных районов во время депортации их просто убивали, самым известным таким случаем оказывается убийство жителей Хайбаха. Через использование этого нового слова «зачистка» отражается новое осмысление депортации, фокус этого осмысления смещается с «культурного» уничтожения на уничтожение физическое. События новейшей чеченской истории заставили память общества включить знаковые события разных эпох в один последовательный нарратив о попытках уничтожения чеченского народа:

Я считаю, что 44-й год – это боль лично моей семьи, потому что все слышали Хайбах, там были расстреляны мои родственники. И я считаю, это лично мое мнение, все должны знать историю. Все должны знать про выселение, что происходило тогда. 44-й год – это поколение наших родителей. Нам 400 лет. Каждые 50 лет... в историю загляните... Это страшно, это геноцид над народом, эти зачистки. Но до сих пор не признают. То, что происходило, происходило с нами. Я считаю, что это была страшная идея войны, это контртеррористическая операция.

В этой цитате можно увидеть осмысление своего коллективного прошлого как череды попыток уничтожения чеченского народа и его культуры и собирание этих событий под общим понятием геноцида.

Это с 18-го века тянется. И в семье эта память хранится, я вам даже конкретно фиксированный момент сказать не могу, но периодически эта тема всплывала. Когда рассказывали историю бабушек, дедушек, этот был в Турции, этот погиб, пропал или что-то еще. Потом был 94-й год, там тоже кто-то погиб или пропал. И эти истории, поскольку общество очень патриархальное, взаимодействие бабушек и дедушек регулярное, они все равно всплывают. Фактически тоже был геноцид, и большая масса народа была лишена места жительства, имущества, прав, фактически. И до сих пор по-настоящему не восстановлено ничего.

К памяти о депортации не раз обращались чеченские политические деятели для мобилизации общества. В частности, в 1994 г. Джохар Дудаев, выступая на митингах, призывал своих сторонников помнить о

том, что в любой момент чеченский народ снова может пострадать, как пострадал он во время выселения:

Люди, которые собрались на этих митингах, я лично сама стояла и слушала, все время говорили о высылке, о том, как это происходило, как людей выселяли. Мой отец помнил, как их выселяли. Он говорил, как они шли по снегу. Они в горах или, это горный район, Хайбах, мои предки жили там все. Там, где сожгли людей, моего отца дядю сожгли. Конечно, мы не были равнодушны к словам об этом...

Язык исследуемого и язык исследующего.

Как мы влияем друг на друга

Нельзя забывать о том, что то, как мы говорим, зависит от того, кому мы говорим и какие цели у нашего высказывания. Я уже упоминала те понятия чеченского языка, которые означают депортацию. Они звучат внутри культуры, между «своими» людьми, они звучат для тех, кто понимает. Как сказал один мой респондент: «Понимаете, самые настоящие, честные истории... они всегда на родном языке. И эти страшные истории... они же в сердце, а там все на чеченском». Определения на русском языке, понятия из правового и научного дискурса возникают тогда, когда истории про депортацию выносятся вовне, за пределы своей культуры. Они предназначаются тем, кто собирает информацию, исследует, принимает решения и законы и т.п. Когда история рассказывается для того, чтобы быть услышанной «другими», она стремится быть рассказанной языком «других».

Иногда в чеченских семьях не говорили о депортации вовсе, и тогда подрастающее поколение узнавало об этих событиях из книг (это происходит примерно на поколении внуков тех, кто был депортирован).

Я хочу сказать, что в нашей семье не говорили ничего про депортацию 44-го года до определенного периода. Единственное, что в доме от старших сестер и братьев мы слышали, но они просто констатировали как факт, и не было никакой оценки дано, что плохо или кто-то виноват.

Но нам даже не говорили, что была ссылка, детей не травмировали воспоминаниями. Я это узнала в школе от своей одноклассницы, что, оказывается, моих предков репрессировали. Уже потом, в 5–6-м классе, когда ты сам читаешь Данила Гранина, дальше уже появились книжки «Ночевала тучка золотая». Ты уже более стал разбираться, уже «Огонек» все стал печатать. С 1985 года пошла перестройка, и это очень сильно повлияло.

В этот момент язык описания депортации начинает новый виток движения. Из научного или литературного дискурса он попадает в нарративы респондентов. Часто именно таким образом в язык описания попадают слова «репрессии» и «геноцид». При этом респонденты отмечают, что тексты чеченских авторов казались более насыщенными

осуждающими высказываниями, так как эти авторы одновременно являются и носителями культурной травмы. Тексты не чеченских исследователей более сдержанны с точки зрения используемых формулировок. Таким образом не только исследователь может включать язык описания носителей травмы в свой текст, но и наоборот.

Одним из ключевых слов в современном чеченском дискурсе о депортации становится термин «геноцид», который изначально имел более широкое определение, нежели сегодня. Польский юрист Рафаэль Лемкин вводит этот термин в работе «Власть оси в оккупированной Европе». В определении Лемкина геноцид не обязательно означает немедленное уничтожение группы путем массовых убийств членов этой группы. Он скорее означает скоординированный план действий, направленных на разрушение важнейших основ жизнедеятельности различных групп с целью уничтожения их как общностей (даже если физически выживут все индивиды, входящие в распавшуюся группу). Целями такого плана может являться дезинтеграция политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии, экономических институтов, а также личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни людей, принадлежащих к таким группам. Геноцид направлен на группу как на единое целое, а вот его действия – на людей, причем не в их индивидуальном качестве, а как на членов этой группы. Таким образом, первоначальное определение геноцида было связано с его направленностью на разрушение групповой идентичности, а не на убийство членов этой группы. Геноцидом могут считаться как летальные, так и нелетальные средства, если их целью является уничтожение идентичности группы (Lemkin 1944).

Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. однозначно осудила геноцид как преступление. Первоначальное определение геноцида было схоже с определением Лемкина. Однако к моменту принятия Генеральной Ассамблеей 9 декабря 1948 г. «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» это понятие приобрело более узкие рамки. Насильственная ассимиляция и большинство других нелетальных способов геноцида были оставлены за рамками юридического определения. Новая редакция Конвенции была сфокусирована в основном на биологическом уничтожении членов группы и игнорировала разрушение национальных культур как компонент геноцида. Статья II Конвенции определяет геноцид следующим образом: «...действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как такую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую»³.

В соответствии с этим определением геноцид приравнивается прежде всего к массовым убийствам или физическому воздействию. Очевидно, в определении ООН не учитывается, что массовые убийства по этническому признаку нередко являются лишь первой стадией уничтожения группы. Вторая стадия, которая часто продолжается еще долго после прекращения убийств, – это разрушение культурной идентичности группы. Таким образом, ненасильственное воздействие на оставшихся в живых часто является столь же разрушительным для группы в целом, как и стадия физического уничтожения, хотя, конечно, намного менее кровавым (Pohl 2000).

Если в определенной группе существует культурная травма, то ее невозможно бесконечно игнорировать, ее можно только преодолеть, точнее преодолеть условия, которые делают ее актуальной для конкретного общества. Использование правового языка и апеллирование к его нормам и определениям для отказа в использовании определенных понятий с целью нивелирования остроты вопроса кажутся не просто неэффективными, но и проблемными. Несколько обществ на Северном Кавказе используют понятие геноцида для описания травматических событий своей истории. Однако в академических кругах давно и весьма активно идет дискуссия о том, можно ли вообще в этих случаях применять слово «геноцид», ведь, как уже говорилось, с правовой точки зрения под геноцидом следует понимать «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Предполагается, что российская/советская власть ни в какой период своего существования не ставила перед собой задачи целенаправленного уничтожения какого-либо народа, в том числе и чеченцев. И если в случае значительных локальных политических акторов разговор о геноциде можно порой рассматривать как спекуляцию, то в случае с обиходным использованием слова «геноцид» ситуация иная. Используя это слово, мои респонденты говорят, что таким образом хотят подчеркнуть крайнюю степень значимости и травматичности депортации для чеченского народа. Когда им отказывают в этом слове, им кажется, что им отказывают и в праве на значимость депортации. Этот вопрос, очевидно, требует открытого обсуждения и разъяснения, но не с позиций априорной правоты членов академического сообщества как обитателей «башен из слоновой кости», а с

позиции равноправного диалога. Не стоит забывать также и о законе 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов»⁴, который прямо называет репрессии геноцидом.

Заключение

Социальная память крайне динамична и подвержена значительному влиянию меняющихся обстоятельств. «Она отвечает на злобу дня и дает о себе знать в социальном дискурсе... значение исторического нарратива выходит далеко за рамки профессионального поля. Ведь этот нарратив нередко играет большую социальную или политическую роль» (Шнирельман 2021). Это свойство памяти – нахождение в прямой зависимости от социального, политического, культурного контекста, является важным для моего исследования. События Первой и Второй чеченских войн изменили в жизни чеченского общества все, в том числе и память о предыдущих исторических событиях. Если до начала войны депортация мыслилась как страшная трагедия и угроза культурному существованию чеченцев, то после войны она превратилась в общественном сознании в пример очередной попытки государства избавиться от чеченского народа в принципе, в геноцид. Этому, конечно, способствовали не только обстоятельства военного времени как таковые, но и деятельность чеченских лидеров, Джохара Дудаева, Аслана Масхадова и других, которые актуализировали память о депортации и обращались к этой теме для мобилизации чеченского общества. Вместе с трансформациями памяти о депортации происходят и трансформации языка, которым депортацию описывают. Из выступлений политиков, правозащитников, из научной литературы и правовых документов в этот язык попадают слова «репрессии» и «геноцид». Новые смыслы находят новые формы своего выражения. Новая травма приводит к переосмыслению травмы предыдущей и к смене тезауруса этой травмы.

Однако задача этой работы состоит не только в том, чтобы проследить указанные языковые трансформации и объяснить их причины, но и в том, чтобы предложить свой взгляд на то, как исследователи, работающие с депортацией, могли бы взаимодействовать с языком носителей этой травмы. Проживание травматического опыта, на мой взгляд, дает преимущественное право «именования» этого опыта. В рамках постколониального дискурса гуманитарная наука, в том числе и антропология, выдвинула идею отказа от «объективного» знания по многим причинам, в том числе и потому, что нередко это предполагает не объективность как таковую, а просто гегемонию определенной позиции. Кроме того, именно антропологические тексты порой оказываются рупором для тех, кто сам говорить не может, или тех, чьи речи остаются не услышанными. Поэтому большое значение имеет язык тех, с кем мы работаем. Когда

Гаятри Спивак определяет себя как человека, обучающего гуманитарному знанию (но она, безусловно, еще и производит гуманитарное знание), она, отталкиваясь от идей Бенямина, высказанных им в «Критике власти», утверждает, что обязана стремиться к тому, что она называет «этическим порывом». Но не только она, а и вся система обучения и производства гуманитарного знания в целом. При этом этику Спивак понимает как разрыв эпистемологии. Эпистемологии, которая пытается сконструировать другого, как сторонний объект познания (1988, 2004). Этика же вторгается в эту эпистемологическую схему, заставляя слушать другого как самого себя. И я полагаю, что достичь этого невозможно, если мы игнорируем язык другого и его собственные смыслы.

Примечания

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.12.1994 г. № 2166. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7312>

² Указ Президента Российской Федерации от 23.09.1999 г. № 1255с. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14427>

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

⁴ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/10200365/>

Список источников

Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. «Война историографий» или информационная война. Грозный: Грозненский рабочий, 2015.

Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.

Алиева С.У. Так это было: Национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы / ред.-сост. С.У. Алиева: в 3 т. М.: Инсан, 1993.

Блинушов А. Всеми имеющимися средствами: Операция МВД РФ в с. Самашки, 7–8 апр. 1995 г.: Результаты независимого расследования наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне / [сост. А. Блинушов и др.]. М., 1996.

Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии / [авт. вступ. ст., сост., авт. послесл. Н.Ф. Бугай]. М.: Дружба народов, 1992.

Горюшина Е.М. Непримируемые нарративы «о другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // Ideology and Politics Journal. 2020. № 2 (16). С. 279–302.

Земсков В.Н. Великий перелом. Подлинные сведения о масштабах сталинских репрессий. М.: Проспект, 2022.

Нора П. и др. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.

Полян П.М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001.

Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

- Шницерльман В.А. Интеллектуальные дебаты постсоветского времени вокруг истории и культуры народов Северного Кавказа // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2021.
- Яндарбиев Х.Ш. Преступление века / ред. И.А. Ирисханов. Грозный: Книга, 1992.
- Яхъяев Л. Белая книга: Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957 гг.: Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы / сост. и отв. ред. Л. Яхъяев; редкол.: Ш. Рашидов, Г. Эльмурзаев, Р. Хаджиев и др. Грозный; Алма-Ата, 1991.
- Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.
- Pohl J. O. Stalin's genocide against the «Repressed Peoples» // Journal of Genocide Research. 2000. № 2 (2). P. 267–293.
- Spivak G.Ch. «Can the Subaltern Speak?» // Marxism and the Interpretation of Culture, edited by Cary Nelson and Lawrence Grossberg, reprint edition. Urbana: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313.
- Spivak G.Ch. Righting Wrongs // South Atlantic Quarterly. 2004. № 103 (2–3). P. 523–581.
- Williams B.G. Commemorating «The Deportation» in Post-Soviet Chechnya: The Role of Memorialization and Collective Memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars // History and Memory. 2000. Vol. 12, № 1 (Spring/Summer). P. 101–134.

References

- Abdurahmanov D.B., Ahmadov Ya.Z. (2015) *Bitva za Chechnyu. "Voina istoriografii" ili informatsionnaya voyna* [The Battle for Chechnya. The "War of Historiographies" or information warfare]. Grozny: Groznenskii rabochii.
- Alexander J.C. (2012) Kul'turnaia travma i kollektivnaia identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 5–40.
- Alieva S.U. (1993) *Tak eto bylo: Natsional'nye repressii v SSSR 1919–1952 gody* [So it was: National Repressions in the USSR 1919–1952] / Ed. and compiled by S.U. Alieva: In 3 vols. Moscow: «Insan».
- Blinushov A. (1996) Vsemi imeyushchimisya sredstvami: Operatsiya MVD RF v s. Samashki, 7-8 apr. 1995 g.: Rezul'taty nezavisimogo rassledovaniya nablyudat. missii pravozashchit. obshchestv. org. v zone vooruzh. konflikta v Chechne [By All Available Means: Operation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Samashki village, 7-8 April 1995: Results of an Independent Investigation of the Observation Mission of a Human Rights NGO in the Zone of Armed Conflict in Chechnya] / Pravozashchit. centr "Memorial"; [Sost. A. Blinushov i dr.]. Moscow.
- Bugai N.F. (1992) *Iosif Stalin - Lavrentiyu Berii: "Ih nado deportirovat'": Dokumenty, fakty, kommentarii* [Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: "They must be deported": Documents, facts, comments] / [Avt. vstup. st., sost., avt. poslesl. N.F. Bugai]. Moscow: Druzhba narodov.
- Goryushina E.M. (2020) Neprimirimye narrativy «o drugom»: izuchenie pamyati o vooruzhennom konflikte v Chechne [Irreconcilable narratives "about the other": Studying the memory of armed conflict in Chechnya], *Ideology and Politics Journal*, no. 2 (16), pp. 279–302.
- Zemskov V.N. (2022) *Velikii perelom. Podlinnye svedeniya o masshtabakh stalinskih repressii* [The Great Turning Point. Genuine information about the scale of Stalin's repressions]. Moscow: Prospekt.
- Nora P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [France-memory] / Sankt-Peterburgskii gos. un-t; [Pier Nora et al; translated from French by D. Khapaeva]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta.
- Polyan P. M. (2001) *Ne po svoei vole: istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Not by choice: history and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: OGI.

- Holquist P. (2011) Vychislit', iz"yat' i istrebit': Statistika i politika naseleniya v poslednie gody tsarskoi imperii i v Sovetskoj Rossii [Calculate, Seize and Exterminate: Population Statistics and Policy in the Last Years of the Tsarist Empire and in Soviet Russia]. In: *Gosudarstvo natsii: Imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epohu Lenina i Stalina* [A State of Nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin] / ed. by R.G. Suni, T. Martina; [translated from English by V.I. Matuzova]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond «Prezidentskii centr B.N. El'tsina».
- Shnirel'man V.A. (2021) Intel'ktual'nye debaty postsovet'skogo vremeni vokrug istorii i kul'tury narodov Severnogo Kavkaza [Post-Soviet intellectual debates around the history and culture of the peoples of the North Caucasus]. In: *Istoricheskaya i etnokul'turnaya tematika v uchebnom, nauchnom i obshchestvenno-politicheskom diskurse Severnogo Kavkaza* [Historical and ethnocultural topics in the educational, scientific and socio-political discourse of the North Caucasus] / ed. by V.A. Tishkov; compiled by B.A. Sinanov, V.V. Tishkov. Moscow: IEA RAN.
- Yandarbiev H.Sh. (1992) *Prestuplenie veka* [The crime of the century]; ed. by Iriskhanov I.A. Groznyj: Kniga.
- Yah"yaev L. (1991) *Belaya kniga: Iz istorii vyseleniya chechentsev i ingushei. 1944–1957 gg.: Vospominaniya, arhivnye materialy, fotodokumenty* [White Book: From the History of the Eviction of Chechens and Ingush. 1944–1957: Memories, archive materials, photo documents]. Compiled, executive editor Yah"yaev L.; eds.: Rashidov SH., El'murzaev G., Hadzhiev R. et al.; Kaz. resp. chech.-ing. centr "Vainah". Groznyj; Alma-Ata.
- Lemkin R. (1944) *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Pohl J.O. (2000) Stalin's genocide against the "Repressed Peoples", *Journal of Genocide Research*, 2(2), pp. 267–293.
- Spivak G.Ch. (1988) "Can the Subaltern Speak?" In: *Marxism and the Interpretation of Culture*. edited by Cary Nelson and Lawrence Grossberg, reprint edition. Urbana: University of Illinois Press, pp. 271–313.
- Spivak G.Ch. (2004) Righting Wrongs, *South Atlantic Quarterly*, 103 (2–3), pp. 523–581.
- Williams B.G. (2000) Commemorating "The Deportation" in Post-Soviet Chechnya: The Role of Memorialization and Collective Memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars, *History and Memory*, Vol. 12, No. 1 (Spring/Summer), pp. 101–134.

Сведения об авторе:

ТАНАЙЛОВА Валентина Александровна – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: valya00763@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valentina A. Tanaylova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: valya00763@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 августа 2023;
принята к публикации 29 ноября 2023.*

*The article was submitted 14.08.2023;
accepted for publication 29.11.2023.*